

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

irina.chernyakova@onego.ru

Рец. на кн.: Parpppei K. "The Oldest One in Russia": The Formation of the Historiographical Image of Valaam Monastery. Leiden-Boston: BRILL, 2011. 300 p.*

Книга молодого финляндского ученого-историка Кати Парппей является переизданием диссертационного исследования автора "Saints, Legends and Forgeries: The Formation of the Historiographical Image of the Valaam Monastery" (Joensuu: Itä-Suomen yliopisto / Publications of the University of Eastern Finland. Dissertations on Social Sciences and Business Studies. 2010. № 5. 227 p.).

Я не буду заострять внимание на очевидном присутствии некоторой спекулятивности в заголовке представляемого издания. Взятая в кавычки фраза «старейший в России» призвана навести читателя на размышления, далекие от академических целей самого автора.

Кати Парппей с присущей ей обстоятельностью рассматривает в рамках популярной в наше время имэджинологии ключевые сюжеты историографической истории Валаамского монастыря. Уже в своей первой статье на английском языке, опубликованной в сборнике научных работ университета Оулу [1], она четко определилась с постановкой задачи для исследования. Ее внимание акцентировано на актуализации возрождения значимости Валаамского монастыря в XIX веке с целью олицетворения наследия Святой Руси в северо-западном приграничье. Попутно подчеркивается выгода его территориальной близости к столице империи – Санкт-Петербургу. В этой работе автор, предельно заострив проблему противопоставлением историографии мифотворчеству, показывает неизбежность появления подделок исторических источников в условиях политической востребованности при отсутствии подлинных документальных текстов. Действительно ли они существовали и оказались утраченными в ходе нескольких разорений, пережитых монастырем из-за его приграничного положения? Ответ на данный вопрос оказывается не столь важным в контексте авторской позиции. Вместо фактической истории монастыря исследуется его образ в смысле историографического формирования последнего. Кати Парппей уверена, что изучение облика определенного места является исследованием истории идей, представлений и интересов, связанных с данным местом. Она не сомневается, что такой подход обещает для понимания значимости объекта или явления даже больше, чем споры о фактических

событиях, случившихся в прошлом. Таким образом, присущее позитивизму стремление к прослеживанию фактической истории по принципу «как это было» с максимально возможной точностью восстановления событий становится не самым важным, если остается сколько-то важным вообще.

Кати Парппей сосредоточена на формировании образа Валаама в историографии с тем, чтобы выявить культурную, политическую и идеологическую подоплеку процесса становления его символической значимости для разных периодов истории приграничья. Еще одной декларацией исходной позиции автора является сознательный отказ от прямого сопоставления церковной и светской традиций в трактовке истории Валаама. Утверждается, что слишком строгая критичность в отношении исторических текстов может принести больше вреда, чем пользы в исследовании складывания образа монастыря. Кати Парппей исходит из того, что любые объяснения заведомо концептуальны в том смысле, что основываются на детерминированных временем представлениях их авторов. Поэтому она предлагает не переоценивать их важность и в то же время не пренебрегать никакими свидетельствами прошлого в стремлении уяснить, как именно формировался образ монастыря, включая иконы, карты, всевозможные иллюстрации и – главное – всякого рода нарратив.

Оценивая имеющиеся немногочисленные более или менее древние исторические тексты, Кати Парппей обращает внимание на специфику средневекового мышления: анонимность, элитарность, статичность, церковность и идейную содержательность, продиктованную московским авторитаризмом. Соглашаясь с автором в целом, заметим, что самые ранние тексты этого рода – «Сказание о Валаамском монастыре» и «Валаамская беседа» – датируются второй половиной XVI – началом XVII столетия. Строго говоря, это уже не Средневековье даже по меркам российской академической традиции. Впрочем, основными источниками для автора явились не они, а источники XIX века, которые так или иначе содержат информацию о ранней истории монастыря. Они как нельзя лучше подходят для выстраивания общей концепции автора о целенаправленном создании образа древнего Вала-

ама в период актуализации идей романтического национализма и связанного с этим возрастания интереса к истории православия в российской имперской историографии.

Тем не менее в предшествовавшей защите диссертации статье [2] Кати Парппей все-таки обратилась к детальному разбору информативности самого раннего из известных исторических текстов, касающихся Валаама. Это потребовалось для расширения авторской концепции на древний период истории монастыря – до его разорения в конце XVI века, приведшего к полному запустению, продлившемуся вплоть до XVIII столетия. Автор подробно разбирает в статье лишь основные выводы, которые будут повторены затем в книге, как уже в те давние времена формировался образ монастыря-просветителя, принесшего свет христианства язычникам – местной народности чудь. Это явственно обнаруживается ею в стереотипности рассказа о перипетиях складывания отношений между монахами и враждебно настроенными аборигенами-язычниками, в аналогах из апокрифических текстов. Более важной представляется готовность Кати Парппей видеть в подавлении сопротивления чуди войском архиепископа, о чем упоминается в «Сказании о Валаамском монастыре», драматическое свидетельство тесных связей Валаама с новгородскими властными структурами. Это замечание делает много более древним государственный характер образа Валаамского монастыря – одного из периферийных в карельском приграничье.

Таким образом, Кати Парппей ставит и целенаправленно решает все ту же концептуальную задачу. Вместо обсуждения фактической истории прошлого Валаама она стремится, во-первых, найти в анализируемых текстах ответ на вопрос: почему образ монастыря был создан именно таким, как он известен в историографии, и, во-вторых, выяснить, какие политические, культурные, идеологические причины воздействовали на создание данного образа. Автору удалось убедительно показать, как в первые десятилетия XIX века возникла историографическая традиция на основе использования всего комплекса источников: исторических известий, устных рассказов, местных легенд, а также поддельных текстов. Любопытен вывод о том, что прекращение существования монастыря на Валааме более чем на сто лет из-за шведского разорения в Смутные времена послужило благодатной почвой не только для еще большей драматизации его ранней истории. Монастырь был превращен официальной историографией в олицетворение идеологического форпоста между Востоком и Западом. Для закрепления одержанной идеологической победы российского (восточного) православия над шведским (западным) лютеранством понадобилась и знаменитая легенда о

короле Магнусе, появившаяся, как утверждает автор, в XVIII веке, предположительно при игумене Иннокентии.

Во второй половине следующего столетия, согласно выводам Кати Парппей, произошло окончательное закрепление созданного в историографии образа монастыря, обитатели которого мученически погибли за православную веру в межгосударственных конфликтах XVI–XVII веков.

Несомненным достижением автора является исследование противопоставления «мы» и «они», то есть «свои» и «чужие», в произведениях XIX столетия, касающихся Валаамского монастыря. Кати Парппей не сомневается, что жестокость могла быть обоюдно преувеличенной как в источниках российского происхождения (о шведах), так и в источниках западного происхождения (о русских). Она прослеживает, как поначалу нейтральные именованья зарубежных врагов – «шведы» или «иноплеменники» – уступают место явно негативным определениям с акцентом конфессионального характера: «шведы-лютеране», «лютеране-фанатики» в сопровождении эпитетов «мстительные», «жестokie», «грубые», «неистовые», «агрессивные». Тем самым историографический образ Валаамского монастыря был использован как средство для противопоставления православия и лютеранства, для закрепления идеологической дистанции между российской и финляндской национальными идеями.

Очевидным знаком признания концепции автора международным научным сообществом является выпуск книги издательством BRILL. Приходится высказать сожаление, что ни одна из статей, а они выходили не только на английском, но и на финском языке, не была представлена к опубликованию в России. Поскольку автор описывает животрепещущие сюжеты российской истории и историографии, то ее размышления, несомненно, вызвали бы большой интерес и заинтересованный отклик.

Подытоживая сказанное выше, подчеркну: Кати Парппей на широком историографическом материале доказательно обосновывает свой основной тезис – широко известный образ древнего Валаамского монастыря был создан в прямой зависимости от политических интересов российских государственных структур. Автор проанализировано множество источников, включая все известные литературные и публицистические произведения как церковной, так и светской отечественной историографии. Размышления о российской истории в преломлении историографии Валаамского монастыря базируются на всем спектре современных научных и философских концепций финляндского, европейского и американского происхождения. Кати Парппей во многом удалось подытожить, во вся-

ком случае квалифицированно изложить, еще раз сопоставить и актуализировать для англоязычного читателя запутанные и нередко остро дискуссионные до настоящего времени сюжеты истории Валаамского монастыря. В своих исследованиях она опирается на исторические источники трех российских государственных архивов (Москва, Санкт-Петербург), двух финляндских ведомственных архивов (Хейнавеси, Куопио), полное собрание русских летописей, агиографические сочинения и убедительный ряд авторитетных российских изданий академического и публицистического характера. Список использованных источников насчитывает более 120 названий, в том числе 34 никогда не публиковавшихся текста рукописей, писем и документов. В перечне изученной и многократно цитируемой литературы, к которой постоянно отсылает автор книги, около 200 наименований.

Избранный Кати Парппей методологический подход безусловно имеет право на существование. Предложенная ею исследовательская концепция отвечает запросам широкой зарубежной общественности в ее интересе к истории и культуре России. Результаты, достигнутые Кати Парппей, вполне убедительны и заслуживают высокой оценки. В то же время жанр, в котором анализируемая работа написана, скорее может быть определен как размышления об истории, чем как история Валаамского монастыря. В историческом прошлом этой обители остаются малоизвестными или вовсе не исследованными целые периоды. Ответы на многие вопросы вполне могут быть найдены в документальных исторических источниках остающихся неразобранными, в том числе в Финляндии, архивных коллекций.

Я уверена, что возможности позитивистской исторической науки вовсе не исчерпаны. Даже в истории Валаамского монастыря, недостаточно обеспеченной, как многократно подчеркнуто в книге, подлинными историческими документами, далеко не все введено в научный оборот и открыто обсуждено в академической науке.

Остается заметить, что тема Валаамского монастыря как феномена не только российской, но и финляндской национальной идентичности остается чрезвычайно актуальной. Доказательство тому – проведенное исследование московского историка Татьяны Шевченко. В 2010 году она защитила кандидатскую диссертацию «Валаамский монастырь в общественно-церковной жизни Финляндии (1917–1957)», в которой на широкой источниковой базе из российских и финляндских архивов раскрыла историю возникновения и становления автономной Финляндской православной церкви, уделив преимущественное внимание роли Валаамского монастыря в этом процессе. Свою задачу Т. И. Шевченко, наоборот, видит в том, чтобы фактографически прояснить ряд сложных вопросов новейшей истории, перейти от предположений на почву исторических явлений и фактов. О неослабевающе остром внимании к феномену Валаама свидетельствует и недавно опубликованная статья Майи Миккула [3], исследователя из Технологического университета Сиднея (Австралия), в которой с опорой на коллективную память жителей ладожских окрестностей показано, как официальный монолитный дискурс приходит в противоречие с убеждением, что Валаам – некое «третье место», не Россия и не Финляндия.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности (подпроект «CARELICA»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Parppi K. Myths, Legends and Politics: The Formation of the Historiographical Image of the Monastery of Valaam // *Imagology and Cross-Cultural Encounters in History / Studia Historica Septentrionalia*: 56. Rovaniemi, 2008. P. 149–160.
2. Parppi K. Pagans of Darkness, Cruel Lutherans: images of religious 'others' in the historical accounts concerning the Russian Orthodox Valaam monastery // *Scandinavian Journal of History*. 2010. Vol. 35. № 2. P. 135–155.
3. Mikula M. The island monastery of Valaam in Finnish homeland tourism: Constructing a "Thirdspace" in the Russian borderlands // *Fennia*. 2013. Vol. 191. № 1. P. 14–24.

Поступила в редакцию 18.10.2013